

МАТЕРИАЛЫ К ПАЛЕОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ САРГАТСКОЙ ОБЩНОСТИ

Н. П. Матвеева

The author publishes paleo-demographic calculations on the data of burial grounds belonging to Sargatka culture of the forest-steppe zone of West Siberia (the Early Iron Age). She uses materials on 43 necropolis and 705 individuals grouped into two chronological stages: 5th–3rd centuries B.C. u 2nd century B.C. — 4th–5th centuries A.D. Expected life-duration for individuals reached a grown-up age is 16,5 years. Masculinization index equals to 1,3–1,4. An average mortal age for grown-ups in the earlier chronological stage is, for men, 36 years of age, in the later chronological stage — 36,5 years of age; for women, respectively, 32,9 and 34,5 years of age. As quite probable are patriarchal relations with survivals of a group marriage (without polygenism) and more comfortable social life conditions for men. Due to absence of mortal peaks in adolescent and young age for women, one can assume lack of practice of early marriages and childbirths. Beginning of a reproductive period refers to 16–17 years of age. Women's mortality during a reproductive period (17–35 years of age) is generally not higher than that of men's which points out to a high share of men's deaths from mutilations and wounds conditioned by cattlebreeding way of life and permanent wars. Paleonthological observations point out to high physical loads on joints and spine among the people of the Sargatka culture starting from the adolescent age which is connected with horse-riding as well as regular stresses and malnutrition among the representatives of all age and social groups.

Приблизиться к пониманию социальных и бытовых условий жизни древнего населения можно путем палеодемографического изучения материалов погребальных памятников. Для раннего железного века Западной Сибири такие исследования пока не проводились, но они весьма актуальны. Удачный опыт палеодемографических и палеоэкологических реконструкций получен по археологическим культурам сопредельных территорий — тагарской Южной Сибири [Медникова, 1995] и джетыасарской Восточного Приаралья [Бужилова, Медникова, 1993].

В данной статье мы рассматриваем материалы саргатской культуры — одной из наиболее полно изученных на территории Западной Сибири. За почти тысячелетний период носителями этой культуры оставлены сотни могильников и поселений, из которых в настоящее время изучено более 150, в том числе около 60 некрополей, в достаточной мере пригодных для статистических расчетов. К сожалению, большинство саргатских погребальных памятников исследованы частично и лишь некоторые — целиком, поэтому полной палеодемографической реконструкции на сегодняшний день представить нельзя. Однако материалы наиболее изученных объектов и суммарные параметры позволяют определить некоторые характеристики, дающие представление о глобальных демографических процессах и частных ситуациях. Так, по пику смертности женщин в начале репродуктивного периода, а также отличиям в погребальном обряде возможно установление гипотетического брачного возраста. Поскольку в демографии за начало репродуктивного периода принято считать 15 лет, а длительность его определяется в 22 года [Алексеев, 1972, 1989], то, следовательно, подлежит расчету и скорость смены поколений. По нашим сериям наиболее доступная для вычисления достоверная информация, от которой можно перейти к длительности репродуктивного периода и поколения в целом, — средний возраст умерших [Переход от конкретных к средним показателям не требует каких-то допущений, поэтому они также являются объективными.]. Далее, выяснив соотношение мужских и женских групп населения, мы сможем судить о социальных условиях жизни и быта в древности, статусе полов.

Продолжительность жизни населения саргатской культуры достоверно не определяется из-за недостатка информации по детской смертности. Доля детей от всех умерших составляет 25–35 % (в разных могильниках) и не может быть признана корректной. Вероятно, значительная часть детских погребений не сохранилась вследствие размещения их в полах ныне распаханных курганов, а также за пределами усыпальниц. Продолжительность жизни была больше, чем средний возраст смерти в популяции в целом, но при определении ее нужны допущения ввиду оговоренных выше причин.

Нами использованы материалы 43 могильников, 705 погребений (табл. 1) [Данные о поле и возрасте погребенных базируются на материалах М. С. Акимовой, А. Н. Багашева, В. А. Дремова. Благодарю А. Н. Багашева за специально выполненные для этой работы определения.] Для расчетов данные сгруппированы сначала по трем хронологическим периодам: раннесаргатский (V — первая половина II в. до н. э.); среднесаргатский (вторая половина II в. до н. э. — II в. н. э.); позднесаргатский (III–V вв. н. э.); но поскольку социальные и культурные различия между средним и поздним периодами меньше, чем у них с ранним [Матвеева, 1997а, 1997б], то в итоговой группировке названные этапы объединены в один.

Могильники саргатской культуры

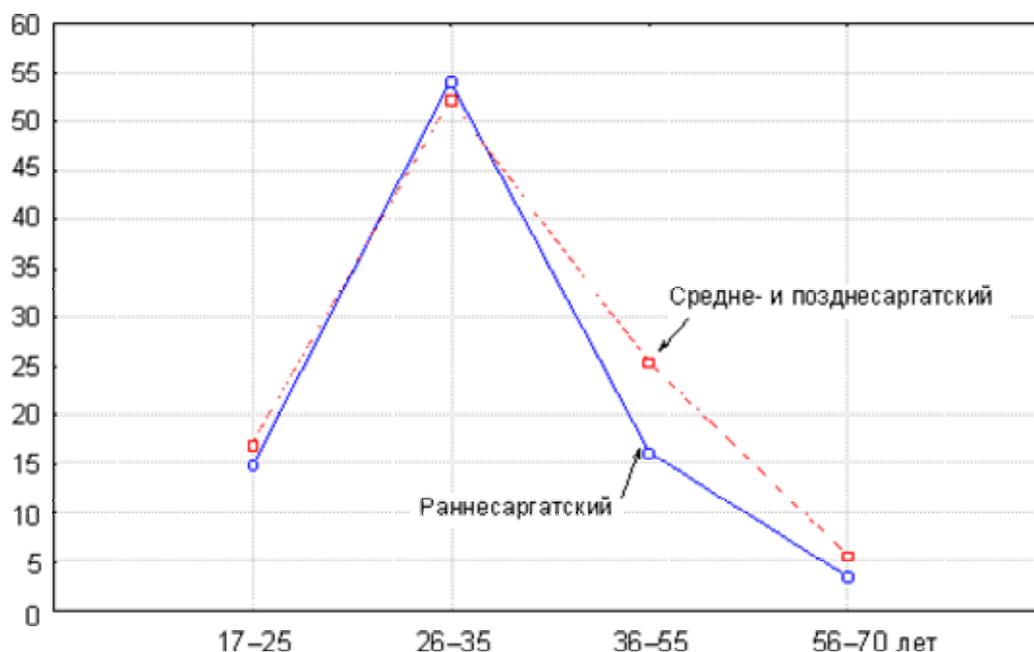
№	Памятник	Колич. погребений	№	Памятник	Колич. погребений
1	Абатский 3	47	23	Абрамово 4	36
2	Фоминцево	10	24	Венгерovo 7	19
3	Абатский 1	42	25	Старый Сад	9
4	Кокуйский 3	9	26	Усть-Тартас	22
5	Лихачевский	24	27	Горная Бития	17
6	Нечунаевский	21	28	Богдановка (V–III вв. до н. э.)	12
7	Ипкульский	11	29	Богдановка 2	24
8	Савиновский (II–I вв. до н. э.)	7	30	Богдановка 3	7
9	Красногорский 1	6	31	Стрижево 2	39
10	Красногорский борок	6	32	Исаковка 1	82
11	Ольховка	7	33	Исаковка 3	20
12	Тютринский (III–II вв. до н. э.)	17	34	Гаевский 1	25
13	Новооболонь	8	35	Мысовской	6
14	Бешаул 2	23	36	Воробьевский 1	17
15	Бешаул 3	17	37	Прыговский 1	12
16	Сидоровка	20	38	Савиновский (I–II вв. н. э.)	7
17	Окунево 2	10	39	Тютринский (II–III вв. н. э.)	20
18	Карташово 1	14	40	Богдановка (II–I вв. до н. э.)	28
19	Карташово 2	40	41	Стрижево 1	17
20	Коконька	19	42	Коконька 2	34
21	Калачевка 1	6	43	Коконька 3	11
22	Марково 1	46			

Половозрастная структура и средний возраст смерти. Рассматривая численность половозрастных групп в саргатских популяциях в целом (табл. 2), отмечаем значительное преобладание мужского населения над женским: в ранний период — в 1,42 раза; в средне- и позднесаргатский периоды — в 1,38 раза. Как считают этнографы, численное преобладание мужчин репродуктивного возраста над женщинами препятствовало развитию полигинии, так как ограничивало для этого человеческие ресурсы и обуславливало сохранение пержитков группового брака [Гемуев, 1984, с. 70]. Другой особенностью данных является недостаточное количество детей — 25,55–25,89 % от всех погребенных, хотя детская смертность могла составлять около 50 % и более [Грязнов, 1956].

**Численность половозрастных групп
в погребальных памятниках саргатской культуры по периодам**

Возраст, в годах	Ранний		Средний — поздний		Всего	
	Колич.	%	Колич.	%	Колич.	%
Женщины						
17–25	13	5,18	24	5,29	37	5,25
26–35	47	18,73	74	16,3	121	17,16
36–55	14	5,58	36	7,93	50	7,09
56–70	3	1,2	8	1,76	11	1,56
Всего	77		142		219	
Мужчины						
17–25	14	5,58	21	4,43	35	4,96
26–35	57	22,71	91	20,04	148	20,99
36–55	29	11,55	77	16,96	106	15,04
56–70	9	3,59	7	1,54	16	2,27
Всего	109		196		305	
Дети						
0–1	17	6,77	47	10,35	64	9,08
1,1–11	35	13,94	56	12,33	91	12,91
12–16	13	5,18	13	2,86	26	3,69
Всего	65		116		181	
Итого	251		454		705	100

Наибольшее число смертей у саргатцев приходится на возраст 26–35 лет как у женщин, так и у мужчин (рис. 1, 2). В мужской серии в поздний период велика также смертность в возрастной группе 36–55 лет, а в женской — несколько выше в группе 17–25 лет; последнее можно объяснять смертью при родах. Важно отметить, что смертность женщин в репродуктивном возрасте (в интервале 17–35 лет) в целом не выше мужской. Это говорит об отклонениях в естественной демографической структуре и, вероятно, о низкой рождаемости. Но предполагать ее значительно ниже традиционной для скотоводческих народов (3–5 детей на одну женщину) не приходится, так как саргатская общность устойчиво существовала в течение почти десяти веков, сохраняя в основном свой ареал.

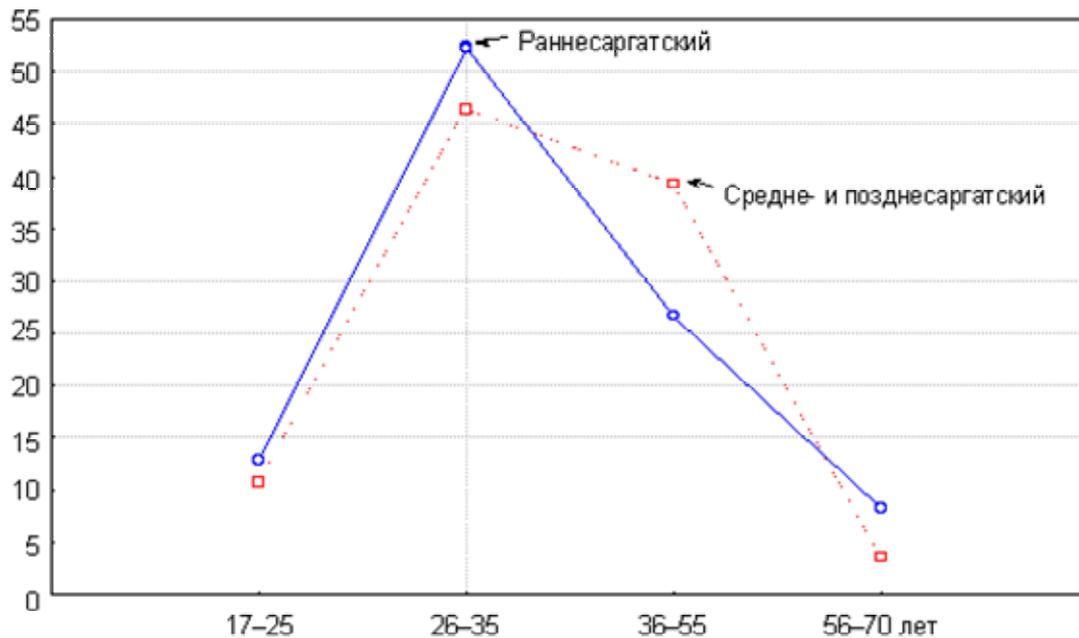
Рис 1. Соотношение возрастных групп женщин в могильниках раннесаргатского, средне- и позднесаргатского периодов, в %¹. [На рис. 1, 2, 4, 5 уровень смертности в возрастных категориях подсчитан от всего количества женщин и мужчин отдельно.]

Вероятно, главной причиной относительного равенства женской и мужской смертности в репродуктивном возрасте являлась более частая у саргатцев гибель молодых мужчин в войнах, перекрывавшая число смертей женщин при родах. Крайне *низки показатели* по лицам старческого возраста, особенно у женщин, что свидетельствует о тяжелых в целом жизненных условиях, при которых до старости не доживали.

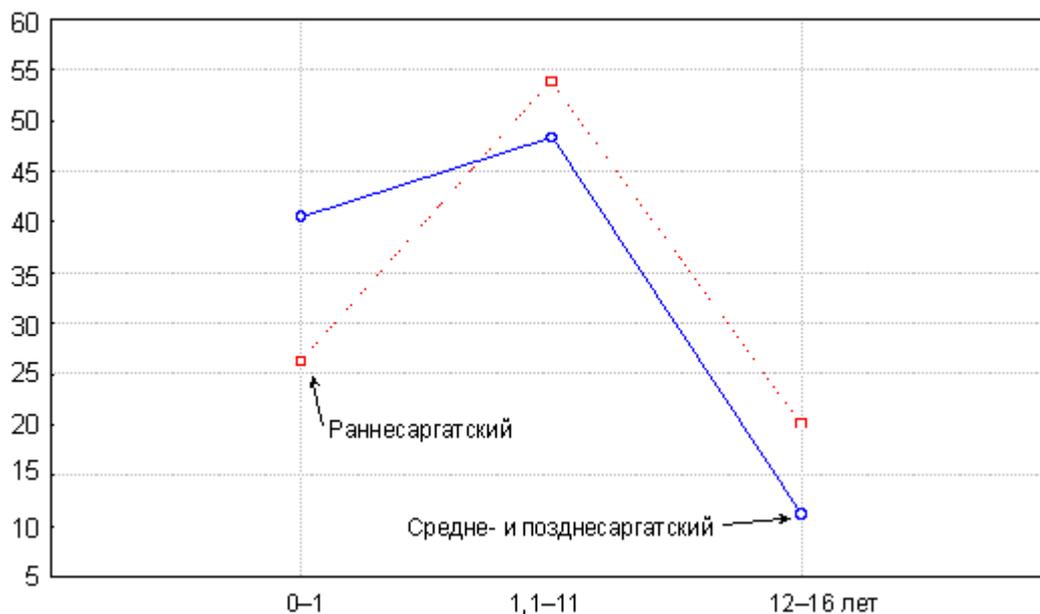
Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни для взрослых — 16,56 года; для женщин в ранний период — 14,47 года, в поздний — 16,6 года; для мужчин — соответственно 16,95 и 18,21 года. Получается, что продолжительность жизни женщин была на 2–3 года меньше мужской. Средний возраст смерти у мужчин на раннем этапе — 35,95 года, у женщин — 32,89 года, на позднем — соответственно 36,54 и 34,53 года (табл. 3, рис. 6), что согласуется с общепринятыми представлениями о демографической ситуации в раннем железном веке [Алексеев, 1972]. Как справедливо полагают А. П. Бужилова и М. В. Медникова [1993, с. 257], общество тогда создавало более комфортные условия жизни для мужской части населения.

По графику соотношения возрастных групп детей (рис. 3) можно предположить, что на раннем этапе младенческая смертность была значительно ниже, чем на позднем, и что в поздний период несколько сократилась смертность детей младшего возраста и почти вдвое — подростков. Кажущееся парадоксальным значительное увеличение смертности младенцев объясняется тем, что участились случаи захоронения их со взрослыми в курганах, тогда как на раннем этапе это не практиковалось. Данное обстоятельство связано с общим ростом затрат на похороны членов коллектива к концу существования саргатской культуры [Матвеева, 1997а]. А вот снижение подростковой смертности кажется нам вполне объективным показателем, зафиксированным достаточно полной выборкой (116 ед.). Обращает на себя внимание следующий факт: доля умерших подростков и юных женщин в ранний период одинакова, а на позднем этапе смертность первых в два раза меньше, чем вторых (см. табл. 2). Кроме того, отсутствие пиков смертности в подростковом и юном возрастах у саргатских женщин может свидетельствовать об отсутствии развитой практики ранних браков и родов (12–15 лет). Начало репродуктивного периода у саргатцев относилось, видимо, к 16–17 годам, что отчасти подтверждается высокой долей смертей в возрасте 18 лет по определе-

ниям антропологов. Таким образом, при среднем возрасте смерти 35 лет длина поколения у саргатского населения составляла 19–20 лет.

Рис. 2. Соотношение возрастных групп мужчин в некрополях раннесаргатского, средне- и позднесаргатского периодов, в %.

Рис. 3. Соотношение возрастных групп младенцев, детей и подростков в могильниках раннесаргатского, средне- и позднесаргатского периодов, в %.

Следует отметить, что показатели по среднему возрасту смерти и ожидаемой продолжительности жизни для взрослых в период последних веков до н. э. — первой половины I тыс. н. э. возросли и более всего это коснулось женщин (рис. 4, 5). Поэтому правомерно предположить значительное улучшение бытовых условий и режима питания популяции в целом к концу развития саргатской культуры.

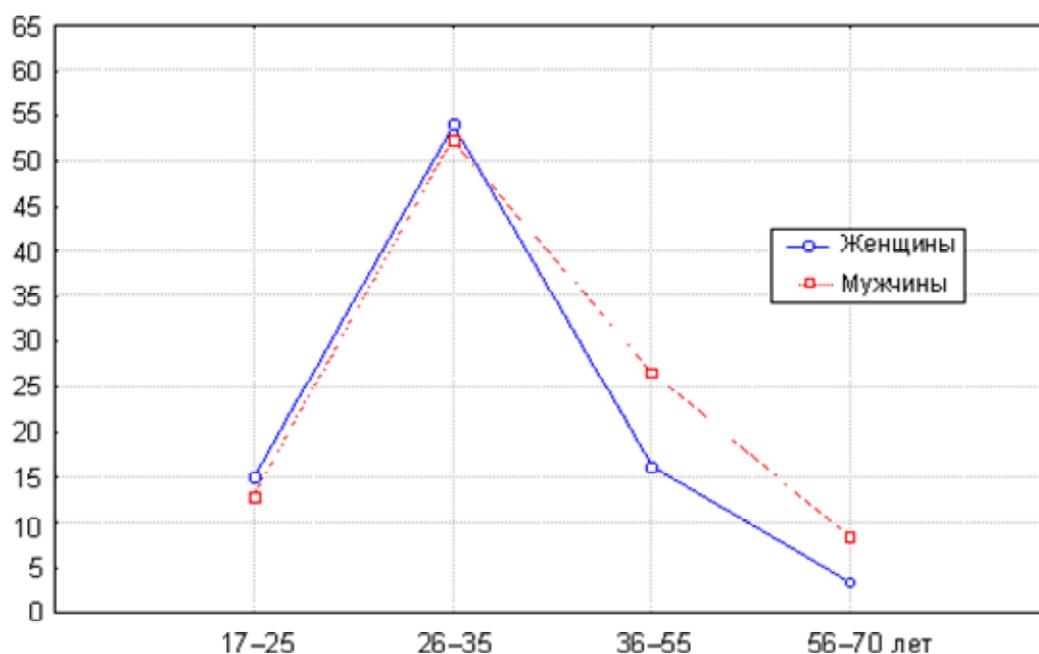
Для оценки общего демографического состояния саргатского населения обратимся к материалам предшествующей эпохи — бронзового века. Данных по лесостепной зоне Западной Сибири не имеется. В материалах по степной зоне европейской части России показатели среднего возраста смерти взрослых по разным культурам колеблются от 20,6 до 25,2 года. Причем, по данным А. Е. Кислого [1995, с. 115], к концу эпохи бронзы и началу раннего железного века наметилась тенденция к росту этого показателя: например, для катакомбной культуры среднее — 22,4 года, срубной — 22,5 года, белозерской — 25,2 года, скифов IV–III вв. до н. э. — 20,7 года, позднескифских могильников Неаполь Скифский, Зо-лотая Балка, Николаевка-Козацкое — соответственно 25,8, 27,6 и 29,5 года. Скачкообразное повышение продолжительности жизни в раннем железном веке по сравнению с эпохой бронзы установлено также В. П. Алексеевым [1972, с. 19, рис. 5]. По абсолютным значениям наши данные по саргатской культуре разительно отличаются от таковых А. Е. Кислого по скифской эпохе — почти на 10 лет [Отчасти различия обусловлены тем, что А. Е. Кислый включает в группу взрослых индивидов с 15 лет, мы — с 17 лет.] — и близки показателям по синхронным кочевническим культурам Азии [Алексеев, 1972]. Это обстоятельство заставляет поддержать вывод В. П. Алексеева [Там же] о более здоровом образе жизни подвижных скотоводов в отличие от оседло-земледельческого населения. Он обуславливался малочисленностью общин, частой сменой поселений, обеспечивавшими благоприятную санитарно-гигиеническую обстановку. Его компоненту составляла меньшая рождаемость, которая, вероятно, регулировалась сравнительно высоким брачным возрастом — предположительно не ниже 16 лет — и какими-то идеологически мотивированными нормами сексуального поведения, вследствие чего более низкой была смертность женщин в родах.

При сравнении с палеодемографическими характеристиками территориально близкой джетысарской культуры видим совпадение по среднему возрасту смерти, но у джетысарцев фиксируется высокая женская смертность в детородном возрасте, характерная для нормальной популяции со стабильным режимом воспроизводства [Бужилова, Медникова, 1993, с. 258]. Хотя в одном из некрополей отмечена деформация половозрастной структуры, не обеспечивавшая эффективно-репродуктивный размер [Там же, с. 272], позволяющая предполагать мигрантное происхождение оставшейся данной могильник группы. Возможно, что и в составе саргатских популяций были семейно-родст-венные группы и целые роды мигрантов, первое время полностью эндогамных, при утверждении своего статуса понесших значительные людские потери.

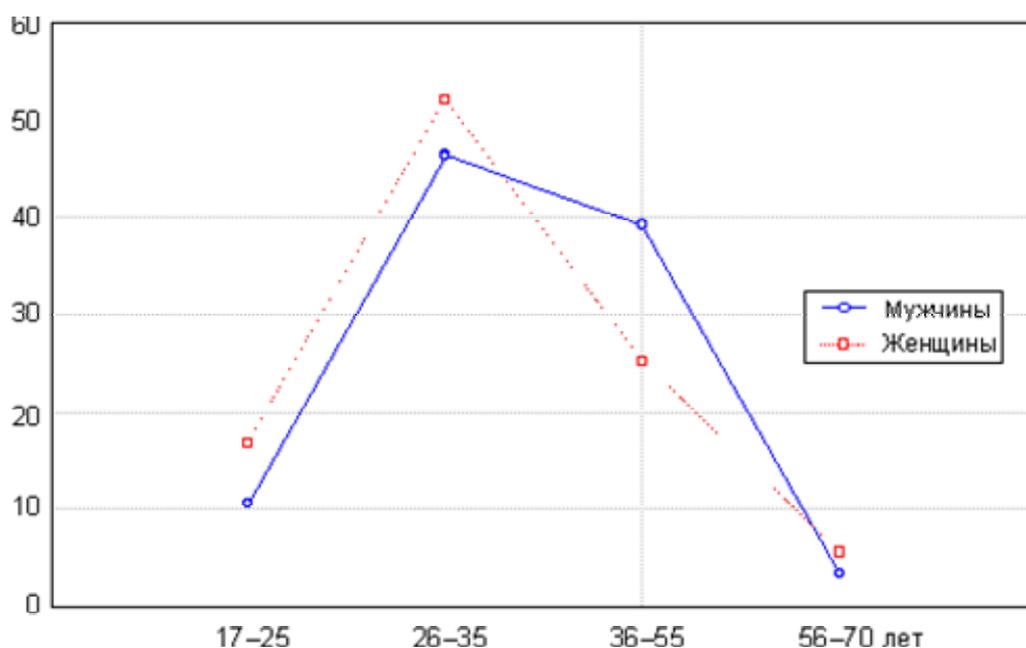
Проверим эту гипотезу анализом демографической структуры наиболее крупных из исследованных могильников: Исаковки 1 и Абатского 3 (табл. 4, рис. 7, 8) [Здесь и далее приводятся данные по определенным в половозрастном отношении погребениям, число которых несколько меньше общего количества погребений в могильнике.]. Индекс маскулинизации по Исаковке 1 — 1,15, по Абатскому 3 — 1,25. Средний возраст смерти мужчин в Исаковке 1 — 34,81 года, женщин — 32,93 года; в Абатском 3 — соответственно 37,05 и 36,03 года.

Как видим, общие демографические характеристики этих некрополей близки общекультурным. Но в Исаковке 1 у женщин наблюдается один пик смертности, в возрастном интервале 26–35 лет, а у мужчин — два пика, в 26–35 и 36–55 лет (см. рис. 8). По материалам этого же некрополя, женская смертность в репродуктивном возрасте несколько больше мужской, что выражает естественное соотношение полов. В Абатском 3 могильнике наблюдаются два одинаковых пика смертности у мужчин и женщин, причем нет различий по числу смертей в детородном возрасте (см. табл. 4, рис. 7) [Это может быть одним из аргументов в пользу мигрантного происхождения населения, оставившего данный некрополь. Другие аргументы приводились нами ранее [Матвеева, 1994].].

Палеопатологии. Большое значение для характеристики социально-бытовых условий жизни населения имеет изучение патологических изменений костей скелетов. По саргатской культуре такая работа проделана лишь выборочно, по материалам раскопок Л. И. Погодина в Прииртышье и коллектива авторов на Гаевском 1 могильнике на Исети, но результаты, безусловно, могут быть экстраполированы на всю общность.

Рис. 4. График демографической структуры популяций раннесаргатского этапа, в %.

Рис. 5. График демографической структуры популяций средне- и позднесаргатского этапов, в %.

Для остеологических коллекций характерно значительное количество патологий скелета, связанных, в частности, с опорно-двигательным аппаратом. В могильнике Стрижево 1 у мужчины зрелого возраста (кург. 11, погр. 2а) зафиксированы перелом четвертого левого ребра и сильные костные разрастания на всех позвонках. Также зрелый мужчина (кург. 12, погр. 2) массивной конституции имел заживший перелом на ребрах и остеохондрозные разрастания. У погребенных из Стрижево 2 и Бещаула наблюдались деформирующие артрозы позвоночника, срастание позвонков с крестцом, что ограничивало трудоспособность [Захаров, Захарова, 1992, с. 49–50]. В Гаевском 1 могильнике у половины проанализированных скелетов отмечены патологии позвоночника, вызванные остеохондрозом, спондилезом и спондилоартрозом, в том числе у подростка — поражения и срастание позвонков из-за перегрузки опорной системы; у пяти из 14 индивидов — артрозы конечностей, суставов [Курто, Ражев, 1997, с. 87–106].

Демографическая структура саргатских популяций и средний возраст смерти по периодам

Категория	Ранний			Средний — поздний		
	Колич.	%	Средний возраст смерти, в годах	Колич.	%	Средний возраст смерти, в годах
Мужчины	109	43,43	35,95	196	43,17	36,54
Женщины	77	30,68	32,89	142	31,28	34,53
Дети	65	25,89	5,89	116	25,55	4,43
Общее	251	100	34,42	454	100	35,54

Таблица 3

Демографическая структура саргатских популяций и средний возраст смерти по периодам

Категория	Ранний			Средний — поздний		
	Колич.	%	Средний возраст смерти, в годах	Колич.	%	Средний возраст смерти, в годах
Мужчины	109	43,43	35,95	196	43,17	36,54
Женщины	77	30,68	32,89	142	31,28	34,53
Дети	65	25,89	5,89	116	25,55	4,43
Общее	251	100	34,42	454	100	35,54

Таблица 4

Половозрастная структура популяции в Исаковском 1 и Абатском 3 могильниках

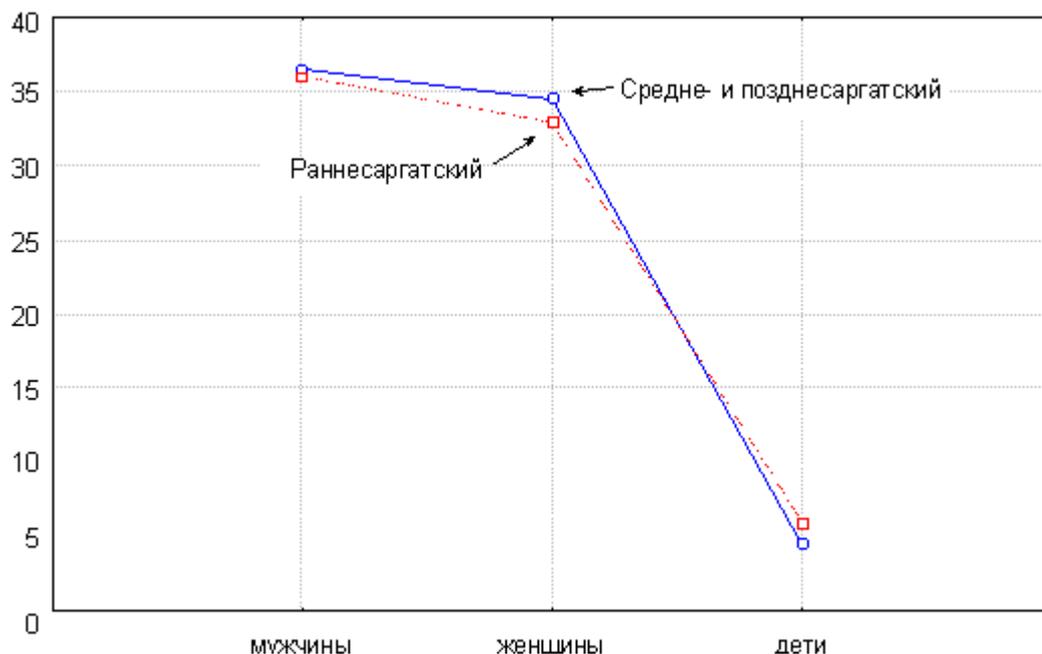
Возраст, в годах	Исаковский 1		Абатский 3	
	Колич.	%	Колич.	%
Женщины				
17–25	6	7,89	2	4,76
26–35	14	18,42	8	19,05
36–55	6	7,89	5	11,9
56–70	1	1,32	1	2,38
Всего	27	35,53	16	38,1
Мужчины				
17–25	7	9,21	2	4,76
26–35	13	17,11	8	19,05
36–55	9	11,84	10	23,81
56–70	2	2,63	0	0
Всего	31	40,79	20	47,62
Дети				
0–1	10	13,2	1	2,38
1,1–11	4	5,26	2	4,76
12–16	4	5,26	3	7,14
Всего	18	23,64	6	14,29
Итого	77	100	42	100

Значительное число людей получало увечья и гибло от ран. Например, в могильнике Нижний Ингал 1 (кург. 1, погр. 1) погребены мужчина и женщина с застрявшими в теле наконечниками. В могильнике Стрижево 2 (кург. 3, погр. 4) похоронен одноногий инвалид зрелого возраста без правой кисти. У зрелой женщины (кург. 3, погр. 8) не было стоп и кистей, хотя могила не была ограблена. В том же некрополе встречен плоскорихитический женский таз, в других — нередки случаи обнаружения общеравномерно суженных тазов, что препятствовало реализации детородных функций женщин [Захаров, Захарова, 1992, с. 51]. В Гаевском 1 могильнике из 11 проанализированных скелетов взрослых семь имели следы травм, причем женщины — пролом черепа и рубленую рану ноги, мужчины — переломы ребер, голеней, травмы коленей и голеностопного сустава. Многие из этих травм связаны с постоянной ездой на лошади [Курто, Ражев, 1997, с. 107].

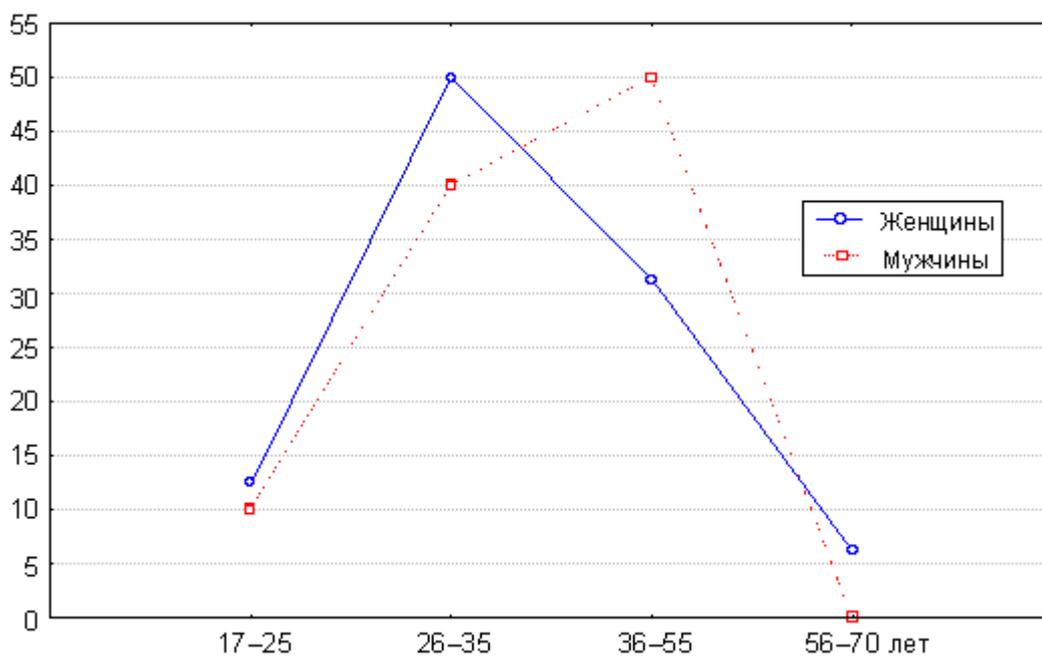
Таким образом, для саргатцев были характерны большие физические нагрузки, что вызывало усиленное развитие пояса верхних конечностей как у мужчин, так и у женщин и искривление ног у

мужчин, обусловленное регулярной верховой ездой [Там же, с. 107]. Болезни суставов, преимущественно в верхнем поясе, отмечены у половины людей, и мужчин и женщин, начиная с 20–25 лет. Болезни позвоночника указывают на поднятие и переноску тяжестей, видимо, в обстановке систематического стресса и переохлаждения.

Состояние человеческих скелетов, наряду с богатством инвентаря и размерами усыпальниц, говорит о социальной привилегированности населения, оставившего Гаевский 1 могильник. Это такие факты, как 50%-ный кариес и пародонтоз в антропологической серии, причем первый характерен уже для детей 10–11 лет; множество заживших переломов, в том числе успешно залеченных в условиях длительной неподвижности, требовавшей постороннего хорошего ухода; наличие деформированных черепов у мужчин с развитой мускулатурой и большой физической силой при слабом развитии мышц у женщин [Курто, Ражев, с. 87–106]. Но и люди высокого социального статуса переносили периодические стрессы и недоедания. В том же могильнике у трех индивидов отмечены рахит, анемия, прекращение роста в детском возрасте, вызванные голодом.

Рис. 6. Средний возраст смерти в саргатских популяциях в целом, в годах.

Рис. 7. Структура популяции в Абатском 3 могильнике, в %.

Близка саргатской демографическая структура джетыясарского населения рубежа эр и первых веков н. э., когда между носителями этих культур существовали устойчивые связи. Она также отличается непропорциональным соотношением мужчин и женщин, ранней женской смертностью: средний возраст смерти вторых заметно ниже, чем первых; среднее для всех — 34,8 года. Уровень репродуктивности — 1,5 [Бужилова, Медникова, 1993, с. 257–258] — не позволяет воспроизвести нормальный состав семьи, поэтому считаем его недостаточным. М. Б. Козловская [1993, с. 275] предполагает отсутствие общих голодовок, резких различий в жизнеобеспеченности полов, отмечая маркеры стресса у большинства, особенно задержки роста и голодание в юности у женщин и преобладание в их рационе растительной пищи.

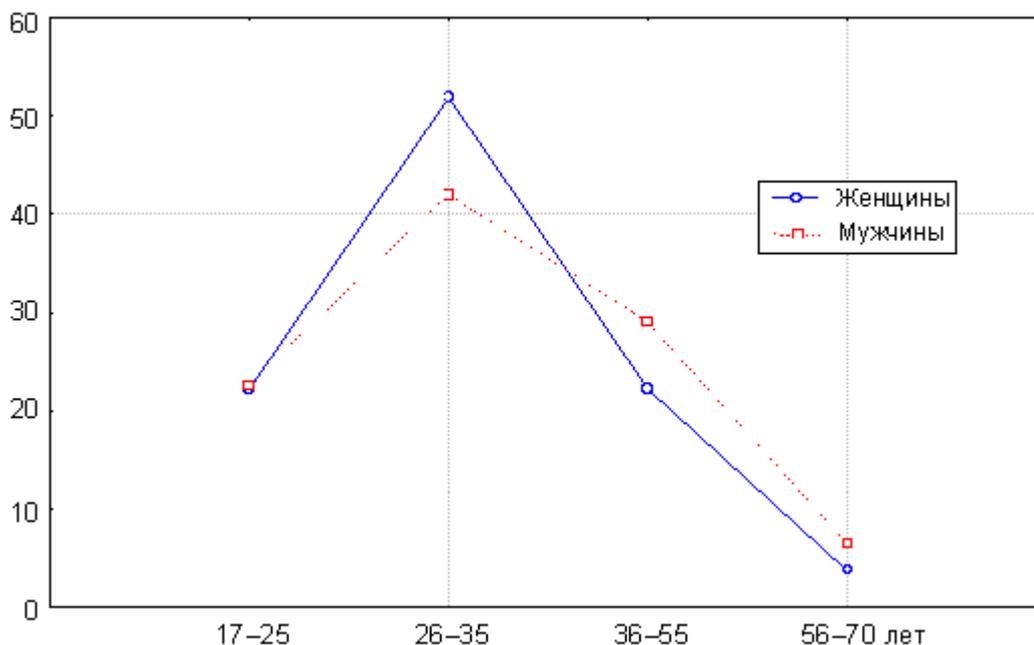

Рис. 8. Структура популяции в Исаковском 1 могильнике, в %.

Этнографическим примером близкой демографической ситуации является состав полукочевого башкирского населения в XIX в. У башкир наблюдалось преобладание мужского населения над женским на 10,2 %, но в возрастной группе 20–40 лет численность женщин была выше на 16 %, что связывается с высокой мужской смертностью в результате войн и тяжелого физического труда [Киньябаева, 1997, с. 203]. В возрасте старше 40 лет доля женского населения стремительно снижается, далее отмечается преобладание мужчин на 36 %, что говорит о преждевременном старении и изнашивании организма родами. Рождаемость была высокой (восемь и более родов на женщину) и нивелировалась также высокой детской смертностью (не менее 40 % убыли детского населения к 15 годам). Удельный вес детей — около 41,2 %, стариков — 4,7 %. Преобладание женщин среди людей молодого и возмужалого возрастов обеспечивало высокую жизнеспособность семьи и народа в целом [Там же, с. 204].

Количество и плотность населения. Определение численности населения на основе антропологических данных невозможно, так как неясно, каков срок использования могильника, сколько поколений захоронено, какая часть популяции погребена за его пределами. Попытка расчета численности населения подвижных скотоводов на основе экологической емкости степи была предпринята Б. Ф. Железчиковым [1984], но, учитывая сосуществование полуседлого и полукочевого хозяйственно-культурного типов саргатской культуры, а также значительно большую эколого-демографическую емкость лесостепи, его методом мы воспользоваться не можем.

Понимая всю приблизительность таких расчетов, попробуем определить численность населения по ядрам расселения на основе поселенческих материалов. Для Среднего Притоболья насчитывается восемь ядер с городищами, несколькими селищами и могильниками [Матвеева, 1997в]. Приняв за основное население обитателей городища и допустив, что сезонные поселения и могильники оставлены ими же, определим среднее количество семей-домохозяйств для рядового (Павлиново) и центрального (Рафайлово) ядер. На первом зафиксировано более 70 жилищных западин, принадлежащих не менее чем двум строительным периодам [Иванова, Батанина, 1993, с. 105]; одновременно могло существовать, видимо, около 25–30 домохозяйств, в которых проживало 250–360 человек. Для второго рассчитано, что одновременно могло существовать до 160 домохозяйств и, следовательно, до 1600–1700 человек населения. Полагая, что таким же центральным по-

селением было Коловское городище, но в более поздний, чем Рафайлово, период, определим семь рядовых и одно центральное ядро. Всего получаем около 4–4,5 тыс. человек. Учитывая неполноту схем остаточного расселения, добавим 10 % — итого 4,5–5 тыс. человек. Если рассматривать всю саргатскую территорию, т. е. четыре таких района, как Притоболье, то получится, что ее население насчитывало как минимум 16–18 тыс. человек. Это сопоставимо с примерной численностью сарматов, которых на площади Южного Урала и Заволжья в 1 млн кв. км одновременно могло проживать около 10 тыс. [Железчиков, 1984, с. 66].

При определении количественного состава древних популяций в какой-то мере может быть использована информация о численности населения Сибири к приходу русских. Например, в начале XVII в. в Тюменском уезде, территориально соответствующем притобольскому району саргатской культуры, проживало 2620 инородцев [Долгих, 1960, с. 43]. Считаем, что к этому времени из-за больших потерь в войнах против русских первопроходцев и откочевки части мятежного населения в степь численность обитателей лесостепного Притоболья заметно убывала — возможно, на 10–20 %, а реально составляла около 3–3,4 тыс. человек, что меньше предполагаемого количества саргатского населения. При этом следует иметь в виду меньшую плотность населения у групп с преобладанием присваивающего хозяйства, какими были средневековые обитатели лесостепи — представители таежных этносов. В Тарском уезде, объединявшем земли Приишимья, Прииртышья и Барабы, по данным Б. О. Долгих, в начале XVII в. насчитывалось 5050 инородцев [Там же, с. 50–57], что позволяет предположить проживание здесь в прошлом около 6,3–6,5 тыс. человек. Таким образом, общая численность коренного населения на рассматриваемой территории до прихода русских была около 10–12 тыс. человек. Объем курганного и фортификационного строительства, расцвет материальной и духовной культуры в саргатское тысячелетие говорят о большей плотности и организованности населения, поэтому весьма приблизительно минимальная общая численность саргатских насельников лесостепи и подтаежной зоны может определяться в 16–20 тыс. человек.

Другой пример — численность населения варварских государств на границах империи Хань, в частности Восточного Туркестана, по китайским источникам. Всего в Синцзяне насчитывалось 34 государства, в которых могло проживать около 1 млн человек, т. е. по 15–25 тыс. человек в каждом. На 50 тыс. населения армия должна была составлять 12 тыс. человек [Литвинский, 1989, с. 247]. При сопоставлении со столь плотно населенным Синцзяном все же видно, что саргатское объединение для своего времени было довольно велико не только по площади, экономическим ресурсам, но и по численности населения. Оно было равноправным партнером сарматских военно-политических и сако-усуньских раннегосударственных объединений.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В. П.* Палеодемография СССР // СА. 1972. № 1. 21 с.
- Алексеев В. П.* Палеодемография: содержание и результаты // Историческая демография: проблемы, суждения, задачи. М.: Наука, 1989.
- Бужилова А. П., Медникова М. Б.* Опыт палеодемографической реконструкции населения Восточного Приаралья в последние века до н. э. — VIII в. н. э. по материалам из склепов джетыясарской культуры // Низовья Сыр-Дарьи в древности. Часть II. Джетыясарская культура. Склепы. М., 1993. С. 253–270.
- Гемуев И. Н.* Семья у селькупов. Новосибирск: Наука, 1984. 157 с.
- Грязнов М. П.* История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. № 48. 1956. 163 с.
- Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: АН СССР, 1960. 622 с.
- Железчиков Б. Ф.* Вероятная численность савромато-сарматов Южного Приуралья и Заволжья в VI в. до н. э. — I в. н. э. по демографическим и экологическим данным // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1984. С. 65–68.
- Захаров Б. И., Захарова Н. Б.* Варианты аномалий развития скелета по материалам палеопатологических исследований // Этническая история тюркоязычных народов Западной Сибири и сопредельных территорий: Матер. конф. Омск: Омск. ун-т, 1992. С. 46–51.
- Иванова Н. О., Батанина И. М.* Павлиново городище — памятник раннего железного века лесостепного Притоболья // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 102–121.
- Киньябаева М. Р.* Демографическая структура башкир XVIII–XIX вв. // Второй международный конгресс этнографов и антропологов. Резюме докладов и сообщений. Ч. 1. Уфа: "Восточный университет", 1997. С. 203–204.
- Кислый А. Е.* Палеодемография и возможности моделирования структуры древнего населения // СА. 1995. № 2. С. 112–122.
- Козловская М. В.* К вопросу о своеобразии минерального статуса костной ткани носителей джетыясарской культуры по материалам джетыясарских склепов // Низовья Сыр-Дарьи в древности. Часть II. Джетыясарская культура. Склепы. М., 1993. С. 271–279.
- Курто П., Ражев Д. И.* Люди // Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование. Екатеринбург: "Екатеринбург", 1997. С. 86–113.

Литвинский Б. А. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М.: Наука, 1988. 456 с.

Матвеева Н. П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.

Матвеева Н. П. Социальный анализ саргатских могильников // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири: Матер. конф. Барнаул: Алт. ун-т, 1997а. С. 129–132.

Матвеева Н. П. Гипотетическая структура населения саргатской культуры // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация: Матер. конф. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997б. С. 55–59.

Матвеева Н. П. Система расселения племен раннего железного века западносибирской лесостепи // Культурное наследие Азиатской России: Матер. I Сибиро-Уральского исторического конгресса. Тобольск: Тоб. пед. ин-т, 1997в. С. 64–65.

Медникова М. Б. Древние скотоводы Южной Сибири: палеэкологическая реконструкция по данным антропологии. М.: ИА РАН, 1995. 216 с.

*Тюмень, Институт проблем освоения
Севера СО РАН*